

АНДРЕЙ КАКСИН (Ханты-Мансийск)

ПРЕДПИСАНИЕ, РАЗРЕШЕНИЕ И ЗАПРЕТ КАК МОДАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Abstract. Command, Permission, and Prohibition as Modal Meanings in Khanty
Expression of objective modality in Khanty is analysed. Command, permission, as well as prohibition can all be expressed by imperative verb forms together with certain modal words (*rǎχ*- 'allowed'; *ǎn rǎχ*- 'must not'; *mos*-, *ver*- '(it is) necessary to do something'), while prohibition only features a special prohibitive construction.

Keywords: Khanty language, modality, permission, prohibition, command, imperative, prohibitive construction.

1. Введение

Хантыйский язык в его литературной форме, созданной на базе северных диалектов, отличается многообразием глагольных суффиксов, среди них преобладают суффиксы залоговой и видовой семантики. Модальные же значения в хантыйском языке выражаются преимущественно лексически и грамматически, т.е. с помощью наклонений и аналитических форм сказуемого (Николаева 1995 : 120—154; Каксин 2000).

Сферу модальности в хантыйском языке, как и в любом другом младописьменном, трудно выявлять, исследовать и описывать вследствие малого количества оригинальных текстов (особенно крупных художественных произведений, в частности романов). Поэтому мы обращаемся здесь прежде всего к языку устного народного творчества (хотя при необходимости привлекаются и образцы разговорной речи, и данные словарей). По иллюстративному материалу мы ограничиваемся малыми жанрами фольклора — пословицами, поговорками, загадками, отрывками из сказок (в основном — зачинами и концовками), а по анализируемой модальной семантике — значениями предписания (как одного из ярких оттенков долженствования ~ необходимости), разрешения и запрета.

Записей хантыйского фольклора в настоящее время вполне достаточно, но язык фольклора все же особенный и в сфере модальности в том числе. В фольклорном языке нередко преломляются некоторые

модальные значения общенародного языка, и чаще всего потому, что происходит общий сдвиг в сторону типичности ситуаций и общей назидательности. В нашем случае (т.е. в случае узуального осмысления интересующих модальных значений) появляются разного рода сентенции, нравоучения (и пожелания), в том числе через отрицательные формы: *At ʔnlenan aparla* 'Не говори зря, без надобности' (букв. 'не-языком-твоим-быстро-действуй'); *Hǎjǎp vujn at jańśasa* 'Не гонись за всякой прибылью' (букв. 'чирок-жиром-не-упивайся').

Модальность — одна из универсальных языковых категорий. Считается, что модальность может пониматься очень широко, но в большинстве случаев под модальными понимаются значения, выражающие отношение содержания высказывания к действительности (объективная модальность) и отношение говорящего к содержанию высказывания (субъективная модальность). Сложность различения этих двух типов модальности обусловлена тем, что первое соотношение тоже устанавливается говорящим. Иначе: субъективная модальность тесно взаимодействует с объективной, а в ряде случаев даже изменяет ее (Ляпон 1990 : 303—304).

В лингвистической литературе выделяются многие модальные значения, которые затем сводятся к *n*-му количеству типов, а среди этих типов выявляются второстепенные и основные. К последним, как правило, относят значения возможности, необходимости и желательности (Теория функциональной грамматики 1990 : 67—69).

2. Выражение предписания и долженствования

При подходе, которого мы в данном случае придерживаемся, семантика предписания рассматривается как входящая в поле необходимости (субъект должен что-либо сделать, ему это необходимо в силу объективных внешних факторов, потому что так принято, потому что это нормально в данной ситуации). В более широком плане долженствование проявляется при наличии императивной ситуации, т.е. в императивных высказываниях (Теория функциональной грамматики 1990 : 80). Это положение подтверждают и уже приведенные примеры, и представленный в табл. 1 материал двух северных диалектов хантыйского языка.

Далее анализируются конструкции с общим долженствительным (даже императивным) значением, но не прямое долженствование, а косвенное (конструкции со значением предписания). Здесь имеется в виду разница между директивной модальностью (*Mǎna juχi* 'Иди домой') и асерторическим выражением долженствования (*Nǎjǎna mosǎt juχi mǎnti* 'Тебе надо домой идти'). В корпусе анализируемых текстов подобные конструкции или предложения встречаются нечасто, а в современных текстах, особенно публицистических, чаще всего употребляются заимствование из русского языка *dolžen* 'должен' (модальный предикатив) и его трансформы. Проникает данное заимствование и в разговорную речь, причем не только молодежи, но и старшего поколения (соответственно, с оглушением звонких согласных: *tolšen*). В наших записях зафиксировано немало подобных примеров: каз. *nǎj χuti tolšen siri wuliti, nǎj wǎnšǎk* 'ты ведь должен раньше перестать:

**Императивные формы хантыйского языка
в конструкциях долженствования (предписания), разрешения и запрета**

	Казымский диалект	Обдорский диалект
Долженствование (предписание)	<i>norśəm jŷχ ipiŷn mǎnlən</i> — <i>mǔstati jasəŷ l u p a</i> 'Под склоненным деревом проходишь — нужные слова с к а ж и'	<i>liti aləŷna kǎt śasna alŷś</i> <i>j u w a</i> 'П р и х о д и за два часа до обеда' (букв. 'есть утром два час-в начало п р и х о д и')
Разрешение	<i>mojpər lupət:</i> <i>ma ki juχi luŷləm?</i> <i>l u ŷ a,</i> <i>putarta, miŷ versən</i> 'Медведь говорит: я если в дом войду? З а х о д и, расскажи, что сделал'	<i>loŷti raχil?</i> <i>l o ŷ a t i.</i> 'Войти можно? В х о д и т е'
Запрет	<i>pǎtlama jil — at siŷəŷa</i> <i>ń ǎ χ a t i: Kŷl' iki juχətət</i> 'Когда стемнеет, громко н е с м е й т е с ь, а то мужчина Куль придет' (букв. 'темно станет — н е громко с м е й т е с ь: Куль мужчина придет')	<i>a l m i j a amp elti χŷl</i> 'Н е д а в а й собаке рыбу' (букв. 'н е д а в а й собака через рыба')

ты старше'; каз. *χojat isimurt toľšen tuχət oləŷn loľti!* 'кто-то ведь должен у начала невода стоять!' и т.п.

Это явление (несредственное заимствование лексемы 'должен') объясняется не только внелингвистическими причинами (плохое знание родного языка), но и собственно языковым фактором, в данном случае — отсутствием в хантыйском языке формы долженствительного наклонения или его предикативного аналога, как, например, в якутском (с его долженствительным наклонением) или русском (с предикативом *должен*) языках. В хантыйском языке есть, конечно, средства для выражения значения долженствования, но нет такого средства, для которого выражение долженствования было бы основной (или единственной) функцией.

В хантыйском языке рассматриваемое значение может быть передано лексически и синтаксически (в предложении с модальным сказуемым), или сочетанием этих средств (в речи велика роль долженствительной интонации).

Для высказывания идеи долженствования используется неоднозначное слово *mas-* (*mos-*) 'надо, нужно, необходимо; должно'. Как видим, это безличный предикатив, именно так он характеризуется в словарях и работах по модальности в хантыйском языке. Кстати, его

наличие в хантыйском языке подтверждает вывод В. А. Плунгяна о том, что полисемия модальных предикатов, сочетающих в языках мира ирреальное и эпистемическое значение, является почти универсальной (ср., в частности, рус. *мочь* и *должен*, франц. *pouvoir* и *devoir*) (Плунгян 2000 : 315).

Диалектные варианты и этимологию хант. *mas-/mos-* (в неопределенной форме) дает словарь В. Штейница (DEWOS 8): *mas-* (вах-вас., обд.), *mos-* (каз., низ., шерк., сынск.) чаще всего употребляется безлично; переводится как рус. 'быть нужным, необходимым', нем. 'nötig sein, müssen, brauchen'; [а также] рус. 'годиться', нем. 'taugen' [в таком значении в юганском говоре], 'gefallen, zusagen' [в таком значении — каз.], 'lieben' [в таком значении — каз., низ., обд., сург., ирт.], 'lieblosen' [в таком значении — юганский говор, сург., ирт.].

Сюда же, вероятно, следует отнести следующие производные: низ., шерк., каз., сынск. *mosaŋ* (каз. — также *mosni*), обд. *masaŋ* 'может быть, vielleicht; должно быть, wahrscheinlich', а в плане общего происхождения от общего обско-угорского корня — манс. *must-* 'подходить, годиться; быть впору', *müst-* 'нравиться, быть по вкусу; мириться с чем-либо, терпеть что-либо; можно, разрешается; быть позволенным, разрешенным' (Steinitz 1978 : 968).

Как видим, В. Штейниц упоминает функцию вводного компонента, и в этом случае данная лексема (*mos-aŋ*) тоже является, безусловно, модальной и выражает различную достоверность, в нашем случае уже дополнительную по отношению к модальности долженствования, и этот вопрос нужно рассматривать отдельно.

Но и при ином употреблении (т.е. в функции модального предикатива — безличного или личного) однокоренная с упомянутой лексема *mos-* не является долженствительной: первое ее значение — необходимость: *mänä mäntä maswəl* (вах.) 'мне надо идти' (Терешкин 1981 : 244).

Как известно, в русском языке при использовании безличного предикатива *надо* (*нужно, необходимо, должно*) в случае обязательности (или необходимости) выражения лица субъекта в предложении появляется соответствующее имя или местоимение в дательном падеже (при этом место предикатива не фиксировано). То же происходит в хантыйском языке, с тем лишь отличием, что сам предикатив (*mos-/mas-*), как правило, замыкает предложение: каз. *Muj ma mutšasum, ikem xöleŋ suxlelat pösti most* 'Ничего я не заметила, мужа грязную одежду надо стирать' (букв. 'что я заметила, муж-мой грязная одежда-его стирать надо') — нет необходимости в указании на лицо во второй части; обд. *Luvvel är ropitta masl* 'Ему надо много работать' (букв. 'ему много работать надо') — лицо указано местоимением в притяжательной форме без показателя падежа; каз. *Täm xätl mänem ar ver tūymatti most* 'Сегодня мне много дел надо сделать' (букв. 'этот день мне много дело выпрямить надо') — лицо указано местоимением в притяжательной форме без показателя падежа; последний в таких случаях носит факкультативный характер и появляется чаще всего при адресатном значении имени (местоимения) и целевом значении глагола: каз. *Näŋena in jiyka jäŋxiti most* 'Ты сейчас за водой должен сходить' (букв. 'тебе сейчас вода-за ходить надо').

Хотя долженствование в хантыйском языке не имеет строго закрепленной за ним лексемы с соответствующим значением (средства), есть несколько способов выразить долженствование (хотя бы косвенно): каз. *Kašay ŋavrem ašel-aykeł sämaŋa at täjlatle* 'Каждый ребенок должен почитать отца-мать' (букв. 'каждый ребенок отец-его мать-его сердечно пусть имеет-его'); каз. *Jämaŋ täχija juχatsan — räχat aj pori verijlti, letut omsijlti* 'На святое место приехал — должен обряд совершить, приношение сделать' (букв. 'святое место-на приехал — положено небольшой обряд делать, пища ставить'); каз. *Nemχujata ān räχl pa χujat χohup ketumti* 'Никто не должен трогать чужие сети' (букв. 'никому не разрешено другой человек сети трогать'); обд. *Χāliwat nāŋen sesilan wāpita ki* 'Завтра ты должен слопцы проверить' (букв. 'завтра тебе слопцы проследить бы').

Таким образом, в хантыйском языке долженствование не имеет четко закрепленного за ним средства выражения, а самая вероятная в этом плане лексема *mos-/mas-* является полисемантической и в числе прочих может иметь модальное значение долженствования.

3. Выражение разрешения и запрета

Обратимся к семантике разрешения (позволения) и запрещения (запрета), точнее, к двум модальным значениям, поскольку они не вполне симметричны, как уже рассмотренные хант. *мосл* — *ān мосл* 'должно — не должно'. Приведем ряд примеров. В хантыйском языке разрешение обычно следует за вопросом о возможности выполнить то или иное действие (поэтому больше всего встречается в диалогах), а запрещения чаще носят характер заповедей и предупреждений:

— *Ma тута лэты тўт хār хонанга, рат хār хонанга янхлум ки, тўт ки вохийллум...* — Янхга, ай, тўт воха-пойкца! — 'Я к тому горящему костру схожу-ка ли, огня попрошу... — Сходи, младшенький, проси-умоляй!' (букв. 'я там гореть огонь место вблизи, кострище место вблизи схожу если, огонь если попрошу'); — *Мосанг, еша рўтьщалман?* — *Нāнг рўтьща, ма еша па воньщумат āктумлум* — 'Может, немного отдохнем? — Ты отдохни, я немного еще ягоды пособираю'; *Мāнтты ал иньщасылэ* 'Меня не спрашивай'; *Манэма ал ювартыла* 'Не вертись (не крутись) около меня' (букв. 'мне не заигрывай'); *Ин я ал ямалта, щи вер хўвн хулас* 'Теперь уж не закрывайся платком (не прячь лицо), этот обычай давно ушел в прошлое' (букв. 'теперь же не сторонись, это дело давно кончилось').

Как известно, разрешение и запрет относятся к сфере деонтической модальности: из речевого акта следует, что разрешение или запрет обусловлены либо социальными (общественными) нормами, либо чьим-либо волеизъявлением (которое также имеет в виду обстоятельства социального характера). С другой стороны, по своей общей семантике разрешение и запрет относятся к сфере побуждения. Они и выражаются императивными формами.

Однако есть одна особенность речевых актов разрешения и запрета, которая выводит их за пределы собственно побуждений: они взаимодействуют с волей адресата. И запрет, и разрешение предполагают, что адресат намерен делать что-либо, собирается сделать что-либо,

однако правила, действующие в группе, к которой принадлежат говорящий и адресат, таковы, что для выполнения этого действия ему нужна санкция говорящего. Наличием этой презумпции объясняется несимметричность рассматриваемых групп речевых актов с областью деонтической модальности в целом. А именно, речевой акт, соотносимый с понятием 'можно', — это *р а з р е ш е н и е*, речевой акт, соотносимый с понятием 'нельзя', — *з а п р е щ е н и е*, но нет речевого акта, соотносительного с 'должно' ('обязан'), порождающего должностное, обязанность сделать нечто. Поскольку рассматриваемые речевые акты (разрешение/запрет) регулируют случаи, когда *н е к т о* сам по себе выбирает *н е ч т о*, то нет нужды обязывать его сделать *н е ч т о*: достаточно разрешить ему *н е ч т о* = дать возможность сделать *н е ч т о*, и он сделает *н е ч т о* (Шатуновский 2000 : 319).

Однако есть сфера деятельности человека, в которой, как мы полагаем, эта несимметричность снимается. Это область духовной деятельности, регулируемой некими общими правилами, в том числе содержащимися в пословицах, поговорках и заветах. Воля адресата и здесь присутствует, однако в очень своеобразной форме — в виде установки для адресата соблюдать общепринятые правила (в повседневной жизни) или соблюдать обычаи (преимущественно — в сакральной практике). Есть отличие и в санкционирующем субъекте — в этой роли выступает не говорящий, а некий коллективный разум, вещатель, оракул. Можно сказать и по-другому: бывает, что говорящий просто озвучивает некие правила и заветы. Что касается языковой формы, то и в этом случае предпочтительны императивные формы глагола (см. табл. 1), однако конкретные языки имеют, разумеется, свои варианты, и здесь важнейшую роль играют модальные предикаты. В табл. 2 приведены примеры с модальными предикатами хантыйского языка (материал двух северных диалектов), из которых только *ән рәхл* 'нельзя' однозначен.

Отметим, что различие между хантыйским и русским языками проявляется не только в наборе самих модальных лексем, но и в их положении относительно инфинитива. Отношения «собственник вещи — несобственник» особенно актуальны для языков, в которых грамматически представлена категория принадлежности, к ним относится и хантыйский. В отличие от русского языка, например, чаще употребляются фразы, в которых указывается принадлежность даже природных объектов и стихий: *Төрм-ев ән т а л вевтама йил, мўнг па хуты йилўв* 'Природа-наша к а к б ы н е испортилась, (если это произойдет), нам-то что делать'. Как видно, в такого рода случаях (при наличии частицы *әнтал* 'как бы не') модальное значение несколько изменяется и проявляется как опасение. Или же в подобных фразах проявляется модальное значение предостережения (*ән т а л кўмрум-та щата* 'к а к б ы тебе н е ушибиться там'), но это уже тема отдельного разговора.

**Модальные предикаты хантыйского языка
в конструкциях долженствования (предписания), разрешения и запрета**

	Казымский диалект	Обдорский диалект
Долженствование (предписание)	<p><i>letət äntal vojatən</i> <i>ketəmła muj pa χıva</i> <i>sopastəti pāta χot lepən</i> <i>hıpas v e r t i m o s ə t</i> 'Для защиты запасов от зверя и их длительного хранения рядом с домом следует сделать лабаз' (букв. 'пищу как бы не звери трогать или же надолго запасть для дом возле лабаз делатъ над о')</p>	<p><i>lūvel jıykna pāti</i> <i>m ä n t i m o s l</i> 'Ему надо идти за водой (букв. 'ему водой для идти над о')</p>
Разрешение	<p><i>hūy olayn r ä χ ə t</i> <i>soratən χolpət</i> <i>o m ə s t i</i> 'В начале лета разрешено ставить сети на сорах' (букв. 'лето начало-в разрешено сорá на сети ставитъ')</p>	<p><i>nāy aśen elti</i> <i>j ö χ ə t t i r ä χ l</i> 'Твоему отцу можно прийти' (букв. 'ты отец-твой через приходитъ можно')</p>
Запрет	<p><i>ši olayn ä n r ä χ ə t</i> <i>levasa v a t ' k ə t i</i> 'Об этом нельзя никому рассказывать' (букв. 'это об нельзя по-всякому болтатъ')</p>	<p><i>lūvel ä n r ä χ ə l</i> <i>ši jıyk χośa m ä n t i j i</i> 'Ему нельзя к воде подходить' (букв. 'ему нельзя эта вода к идти')</p>

4. Выводы

В современном хантыйском языке используются различные средства для выражения объективной модальности. При небольшом количестве наклонений (которые, впрочем, всегда являются основой модальной рамки предложения) возрастает роль лексических средств, порядка слов, особых конструкций, интонации. Предписание, разрешение и запрет рассмотрены как важные семантические разновидности ирреальной модальности (именно необходимости). Предписание — один из вариантов долженствования, основными средствами его выражения в хантыйском языке являются императивные формы глагола и модальный предикатив *mos-* (*ver-*) 'надо, нужно, необходимо, должно (что-

либо сделать)'. Разрешение и запрет рассматриваются как проявления деонтической модальности, основные средства их выражения — императивные формы глагола и модальные предикативы *rǎχ-* 'разрешено' ~ *ǎn rǎχ-* 'нельзя'. Особенность хантыйского языка (как, впрочем, и некоторых других финно-угорских) в этой модальной области состоит в использовании прохибитивных конструкций (типа *at vera jańsa* 'не пей сильно'). Тем самым, в хантыйском языке предписание и разрешение не имеют четко закрепленных за ними средств выражения (императив, очевидно, не может считаться таковым); самые «подходящие» в этом плане лексемы *mos-* и *rǎχ-* 'разрешено' не однозначны и в числе прочих могут выражать названные модальные значения. Лишь значение запрета в хантыйском языке имеет специализированные средства выражения — прохибитивная конструкция и модальная лексема *ǎn rǎχ-*; очевидно, это объясняется языковой генетикой.

Andrej Kaksin
Research Institute of the Ob-Ugric Peoples (Hanty-Mansijsk)
chertikova@yandex.ru

Сокращения названий хантыйских диалектов

вах-вас. — вах-васюганский, **ирт.** — иртышский, **каз.** — казымский, **низ.** — низямский, **обд.** — обдорский, **сург.** — сургутский, **сынск.** — сынский, **шерк.** — шеркальский диалект.

ЛИТЕРАТУРА

- К а к с и н А. Д. 2000, Категория наклонения — времени в северных диалектах хантыйского языка, Томск.
Л я п о н М. В. 1990, Модальность. — Лингвистический энциклопедический словарь, Москва.
Н и к о л а е в а И. А. 1995, Обдорский диалект хантыйского языка, Гамбург.
П л у н г я н В. А. 2000, Общая морфология. Введение в проблематику, Москва.
Т е о р и я ф у н к ц и о н а л ь н о й г р а м м а т и к и . Т е м п о р а л ь н о с т ь . М о д а л ь н о с т ь , Л е н и н г р а д 1990.
Т е р е ш к и н Н. И. 1981, Словарь восточнохантыйских диалектов, Ленинград.
Ш а т у н о в с к и й И. Б. 2000, Речевые акты разрешения и запрещения в русском языке. — Логический анализ языка. Языки этики, Москва, 422—444.

ANDREJ KAKSIN (Chanty-Mansijsk)

BEFEHL, ERLAUBNIS UND VERBOT ALS MODALE BEDEUTUNGEN IM CHANTISCHEN

In diesem Aufsatzes geht es um die Wiedergabe der objektiven Modalität im Chantischen. Sowohl Erlaubnis, Verbot als auch Befehl können durch Imperativformen des Verbs in Verbindung mit den entsprechenden Modalwörtern (*rǎχ-* 'erlaubt'; *ǎn rǎχ-* 'darf nicht'; *mos-*, *ver-* 'nötig, notwendig, verpflichtet sein etwas zu machen') ausgedrückt werden. Einzig und allein für das Ausdrücken eines Verbots existiert ein spezielles Hilfsmittel: die Prohibitivkonstruktion.